

ненных из проконнесского мрамора, Е.Ю. Кленина – о культовом комплексе “Западная базилика”, о дискуссионных вопросах ее хронологии и о литургическом назначении дополнительных помещений. Эта новая тема для крымской археологии вызвала вопросы. Доклад И.А. Завадской был посвящен раннему периоду базилики в Партенитах, который датируется VI в. по сходству с базиликами Херсонеса. Ю.М. Могаричев рассказал о начальном периоде истории Сугдейской епархии, используя Житие св. Стефана Сурожского, печати и другие источники. С.В. Ушаков обратил внимание на крайне недостаточную изученность огромного некрополя Херсонеса по сравнению с городищем. А.А. Филиппенко продемонстрировал интересную находку из некрополя Баклы – раннехристианское каменное надгробие с изображением символической композиции Распятия в виде крестом в форме Тау. Н.А. Алексеенко рассказал о редкой печати иконоборческого периода, принадлежавшей херсонскому епископу, Т.Ю. Яшаева – о форме для отливки наперсных крестов VII в. Доклад В.В. Майко был посвящен зороастризму населения крымской Хазарии в VIII–X вв. Несколько докладов касалось памятников Киева домонгольского периода. В частности, Н.И. Никитенко рассмотрела триумфальный цикл в росписях башен Софии Киевской, И.Е. Марголина показала, что роспись XII в. жертвенника Кирилловского храма была посвящена св. Клименту Римскому. Автор этих строк сделала доклад о епископских церквях Абхазии.

Конференция прошла в обстановке оживленных дружеских дискуссий, были организованы интересные экскурсии по городищу, музею, некрополю, городу и его окрестностям. Гостеприимные хозяева конференции (секретарь оргкомитета – Т.Ю. Яшаева) сделали все, чтобы эта встреча была плодотворной и приятной. Изданы тезисы, предполагается публикация сборника. Конференция еще раз показала, что византийская археология в Крыму успешно развивается благодаря открытости современной эпохи.

Л.Г. Хрушкова

XVI ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ

29 мая 2003 г. по юлианскому календарю исполнилось ровно 550 лет со дня падения столицы Византийской империи. Этой памятной дате была посвящена XVI Всероссийская научная сессия византинистов, проходившая в Москве 29–30 мая. В сессии приняли участие специалисты ведущих византиноведческих центров Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Волгоград, Барнаула. Была представлена как академическая (Институт всеобщей истории РАН, Институт востоковедения РАН, Институт славяноведения РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт искусствознания), так и университетская наука (Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Уральский государственный университет, Волгоградский государственный университет, Алтайский государственный университет, Коломенский государственный университет). В сессии также принимали участие сотрудники Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), Русского музея (Санкт-Петербург), Музея Востока (Москва), Церковно-научного центра Православная энциклопедия. Действенную помощь в организации сессии оказал РФФИ, а также представители Московской Патриархии и Императорского Православного Палестинского общества.

На сессии были представлены все поколения отечественных византинистов. Было заслушано и обсуждено 65 докладов, объединенных общей темой “Историческая роль Константинополя: к 550-летию со дня падения византийской столицы”. Собственно исторической проблематике на сессии сопутствовала проблематика искусствоведческая, рассмотренная на специальной секции. Кроме того, отдельную секцию образовали санкт-петербургские византинисты. Проблематика византиноведческих исследований, отраженная в докладах, хронологически охватывала всю эпоху исторического существования Византии с IV по XV столетие. В исторической части материалов сессии присутствовали практически все темы, связанные с исторической ролью Константинополя. Социально-политическая история ранней Византии была представлена в докладах

А.А. Чекаловой (Москва) о римской и константинопольской сенаторской аристократии IV–VI столетий, Е.П. Глушанина (Барнаул) о константинопольском цезарате в V в. Е.В. Сильвестрова (Москва) в докладе “Субъекты церковно-имущественного права в Константинополе VI в.” пришла к заключению, что 3-я новелла Юстиниана фиксирует этап перехода от одного типа юридического лица к другому, т.е. от “корпорации” к “учреждению”. Законодательному регулированию городского домостроительства в Константинополе и его пригородах на более позднем этапе (XI в.) был посвящен доклад Г.Г. Литаврина (Москва).

Внешнеполитическая история империи раскрывалась в ряде докладов, касавшихся как непосредственных контактов Византии с окружающим миром, так и представлений об империи и Константинополе в сопредельных с империей странах. Эти темы поднимались в докладе Е.А. Мельниковой (Москва) о скандинавских паломниках в Константинополе. Сообщение А.С. Козлова (Екатеринбург) было посвящено анализу понятия “варвар” в “Хрониконе” комита Марцеллина. Докладчик отметил, что в “Хрониконе” подчеркивается прежде всего конфессиональная чуждость “варваров”, что, в свою очередь, связано с “константинополецентристскими” взглядами самого комита Марцеллина. О географической науке в Поздней Римской империи шла речь в выступлении А.В. Подосинова (Москва) “Константинополь на Певтингеровой карте (к вопросу о картографии в Византии)”.

Не была оставлена без внимания и история взаимоотношений Константинополя, Киева и Нижнего Подунавья (доклад И.О. Князького – Коломна). Ю.И. Пахомов (Коломна) попытался реконструировать взгляды незаслуженно забытого историка И.Н. Смирнова (1856–1904) относительно славяно-византийских политико-культурных связей. По мнению докладчика, И.Н. Смирнов полагал, что славянские государства на Балканах (хорваты, сербы, болгары) – это прямая трансляция византийской государственности. Докладчик особо отметил, что, по мнению И.Н. Смирнова, культурные отношения славянского мира с Византией, в отличие от его отношений с Западной Европой, были традиционно позитивными. Вопросы и обсуждения касались особенностей календарной системы в Константинополе, фемного устройства в Византии и его отражения в источниках, критериев оценки “варваров” в византийской историографии, а также проблемы автономии Херсона (Херсонеса). Проблематика проникновения иностранцев в социальную элиту империи была представлена докладом П.И. Жаворонкова (Москва) о тюркской аристократии в раннепалеологовском Константинополе.

В ряде докладов говорилось о представлениях иностранцев о Константинополе и империи. Эта тематика отражала географическое и этнокультурное многообразие взглядов на империю и ее столицу. Доклад В.А. Арутюновой-Фидаян (Москва) был посвящен образу Константинополя и Византии в целом в армянской историографии V–XI вв. Докладчица отметила, что создание позитивного образа Византии в армянской историографии логично сочеталось со стремлением ввести армянские земли в орбиту византийского политического влияния и включением византийских идеологических ценностей в общественно-политическую теорию армян. Иной пласт представлений о Константинополе присутствовал в докладах по арабским источникам: Т.М. Калининой (Москва) “Ал-Масуди о Константинополе” и И.Г. Коноваловой (Москва) о месте Константинополя в картине мира арабских географов X столетия. Всеобщее оживление вызвал доклад Д.Е. Мишина (Москва) “Малоизвестный восточный фрагмент IX в.: образованный араб в византийской столице”, сообщавший о похождениях испаномусульманского поэта ал-Газала, посланного в Константинополь с дипломатической миссией. Северный ареал средневековой ойкумены в его связях с Византией также получил освещение на сессии: о месте Константинополя в картине мира средневековых скандинавов идет речь в докладе Т.Н. Джаксон (Москва).

Естественно, что немало докладов было посвящено Константинополю как одному из крупнейших церковных центров во всем многообразии историко-церковной, социальной и правовой тематики. Эта проблематика была открыта на сессии обобщающим докладом К.В. Хвостовой (Москва), проследившей особые формы правового и религиозного синтеза в Византии, включая и перспективы его существования после падения Константинополя. О раннем и малоизученном этапе становления церковной идеологии го-

ворилось в докладе А.Ю. Виноградова (Москва), выявившего в топографии Константинополя следы древнего предания об апостоле Андрее. Сложная история взаимоотношения константинопольской церковной кафедры с периферийными была раскрыта в докладе С.А. Беляева (Москва) “Константинополь и Херсонес”. Для более позднего этапа эта проблематика была освещена в докладе А.М. Крюкова (Москва) о Константинополе и провинциальном духовенстве в конфликте вокруг епископской кафедры Эврипа в 1183–1185 гг. Докладчик сделал попытку определить причины различия позиций, занятых в этом деле двумя выходцами из одного круга и близкими друзьями: митрополитом Афинским Михаилом Хониатом и митрополитом Новых Патр Евфимием Малаком.

А.В. Бармин (Москва) на основании ряда источников по антилатинской полемике XI в. пришел к выводу, что они были созданы по поводу двух разных, хотя и близких по времени, встреч в Константинополе с представителями латинской церкви, а не одной (май 1112 г.) встречи, как предполагалось ранее. Живое обсуждение вызвал доклад М.С. Желтова (Москва), посвященный праздникам освящения храмов в столице империи. Как считает автор доклада, постепенное исчезновение этих “дней рождения” храма из приходского обихода и смена их престольными праздниками были связаны с распространением иерусалимского устава. Более позднего периода (XIV–XVI вв.) касалось выступление Н.Д. Барабанова (Волгоград) о религиозной жизни Константинополя на уровне церковных приходов. Продолжение византийских традиций в позднейшую эпоху стало темой доклада С.А. Иванова (Москва), в котором были рассмотрены константинопольские предания, сложившиеся уже при османском владычестве.

Роль константинопольской традиции в становлении древнерусского богослужения была освещена в докладе О.В. Лосевой (Москва) “Местные константинопольские праздники и их влияние на древнерусские календари”. На частном примере тот же вопрос был рассмотрен в вызвавшем интерес сообщении П.В. Кузенкова (Москва) “Осады Константинополя и их отражение в византийском церковном календаре”. Как удалось установить автору, из восьми осад столицы Византии, имевших место в VI–XI вв., в константинопольской церковной традиции отражены только четыре. Сопоставляя эти данные с древнерусскими Прологами, П.В. Кузенков сделал важный текстологический вывод о том, что основой славянского перевода является не пространная редакция Минология Василия II, а Синаксарь Константинопольской церкви.

Разумеется, участники сессии, посвященной 550-летию со дня падения византийской столицы, не могли не коснуться тематики, относящейся непосредственно к этому событию. В выступлении С.Ф. Орешковой была сделана попытка взглянуть на превращение византийского Константинополя в турецкий Стамбул со стороны самих завоевателей, начиная с пророчеств о переходе города под власть турок и кончая его судьбой после падения Османской империи. Докладчица рассмотрела такие аспекты этого процесса, как изменение этнического и конфессионального состава населения столицы, ее архитектурного облика, роль города как средоточия азиатских торговых путей. С.П. Карпов (Москва) в своем докладе “Неизвестные отклики на османскую экспансию и падение Константинополя” сделал вывод о том, что события 1453 г. не поставили точки в борьбе за византийское наследство, ибо именно тогда были заложены основы новых антиосманских коалиций. Доклад Н.Е. Гайдукова (Москва) “Константинополь и Феодоро: жизнь после смерти”, основанный на археологических данных, был посвящен сравнению судьбы двух христианских столиц, в разное время оказавшихся под турецким владычеством. Докладчик показал, что у завоевателей не было единого стереотипа поведения в отношении к покоренному христианскому населению и его святыням.

Ряд докладов был посвящен рассмотрению реакции образованных византийских авторов на турецкую экспансию и сокращение рубежей их отечества. Вопросы о том, как освещалась турецкая тема в поздневизантийской риторике, касался доклад М.А. Поляковской (Екатеринбург). Она пришла к выводу, что появление антитурецких филиппик было связано прежде всего с периодами активизации турецкого интервенционного давления на империю и ее соседей. С.В. Красиков (Екатеринбург) обратил внимание на литературную антитезу Константинополь – Афон, сформулированную в сочинениях Никифора Григоры. Обращение к афонской тематике дает образованному автору повод для критики столичных нравов; при этом извечная тема бегства от мира и его соблазнов

приобретает и некоторые гуманистические черты. Сообщение Т.В. Куш (Екатеринбург) было посвящено образу отечества в письмах Мануила II Палеолога. Наиболее распространенным мотивом в переписке венценосного автора являются размышления о судьбах родины, в которых явственно звучат пессимизм и ностальгия. Наконец, в выступлении К.И. Лобовиковой (Екатеринбург) был рассмотрен трактат Георгия Трапезундского “Об истинности христианской веры”, автор которого стремился устранить противоречие между победителями и побежденными, склонив Мехмеда II выступить в роли объединителя двух религий.

Отрадно, что Константинопольская и связанная с Константинополем тематика раскрывалась на сессии на материалах специальных исторических дисциплин и с использованием характерных для них методик. Константинополь и местные центры получили свое освещение в докладе В.Н. Залесской (Санкт-Петербург) на материале золотых перстней-инсигний палеологовского времени. Взаимоотношения центра и периферии были представлены на материалах сфрагистики и дипломатики. В докладе М.А. Куряшевой (Москва) “Константинопольский формуляр и греческие акты Южной Италии” анализировались греческие акты южноитальянского происхождения XI–XII вв. Изучение их формуляра и его эволюции приводит автора к выводу о сохранении традиции составления греческих частноправовых актов по византийскому образцу вплоть до конца XII в. В дальнейшем в связи с упадком греческого языка и культуры в Южной Италии и Сицилии происходило постепенное приближение к форме составления западных латинских документов. Доклад Е. В. Степановой (Санкт-Петербург) был посвящен исследованию имен и титулатуры византийских стратигос Сицилии по данным сфрагистики. Как отметила докладчица, материал печатей позволяет уточнить имена стратигос, даты их управления фемой, а также особенность их службы – совмещение в одних руках функций двух военных должностей разных рангов в рамках одного региона.

В сообщении В.В. Гурулевой (Санкт-Петербург) была сделана попытка использовать нумизматический материал для ответа на вопрос, можно ли считать изображение креста с четырьмя буквами “В” официальной эмблемой Византийской империи. Докладчица приходит к выводу, что такое восприятие данной эмблемы было свойственно скорее западным географам, нежели самим византийцам. Т.И. Слепова (Санкт-Петербург) представила в своем докладе серию редких монет, связанных с эпохой Крестовых походов и хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа.

Проникновение в византистику новых технологий научного исследования нашло отражение в вызвавшем большой интерес докладе Ю.Я. Вина, где была представлена попытка организации доступа к памятникам византийского правового наследия в форме компьютерной базы данных.

Социально-экономическое развитие Константинополя и периферийных центров Византии раскрывалось на материале археологических данных. В докладе А.И. Романчук (Екатеринбург) “Находки из слоев пожара XIII в. в Херсонесе” была поставлена под вопрос правильность распределения по времени находок монет, обнаруженных в “закрытых комплексах”. Методика датировок, основанных только на так называемых статистико-синхронистических таблицах (где учитывается лишь время выпуска монеты), ущербна, поскольку не дает адекватной картины денежного обращения в экономике. Автор убедительно проиллюстрировала свои доводы на примере недавних находок в Херсонесе. Было также отмечено, что в XIV в. Херсонес сохранял свое значение регионального центра. Особое внимание было уделено дискуссии о “континуитете–дисконтинуитете” византийской цивилизации. По замечанию А.И. Романчук, в последнее время заметно некоторое изменение позиций в американской историографии: если ранее имела широкое распространение точка зрения об однозначном “дисконтинуитете”, то сейчас, в первую очередь под влиянием последних археологических раскопок в Малой Азии, американские византилисты придерживаются более сдержанной позиции.

В двенадцати докладах искусствоведческой секции сессии было полномасштабно представлено современное состояние отечественного византиноведческого искусствознания во всех его тематических, хронологических и географических направлениях. Постановка и освещение общих проблем органично сочетались с конкретными сюжетами, вводящими в научный оборот новые материалы или дающими новые интерпретации

уже известным памятникам. Искусствоведческую тематику на сессии открыл пленарный доклад О.С. Поповой (Москва), проанализировавшей соотношение аскетического и классического в византийской живописи XI–XII вв. Значение этой темы, если трактовать ее как соотношение традиционного и новаторского в жизни империи, выходит вообще далеко за рамки собственно искусствоведческой проблематики. Константинопольская тематика в искусстве была представлена рядом следующих докладов: А.М. Лидова (Москва) о церкви Богоматери Фаросской, имевшей как образ-архетип Гроб Господень; А.В. Захаровой о константинопольских “золотых” Евангелиях второй половины XI в. Связи Константинополя с другими странами византийского круга были продемонстрированы докладом Н.В. Квливидзе (Москва) о константинопольских святынях в московской иконографии XVI в.

Искусствоведческий и кодикологический анализ иллюминированного списка “Христианской топографии” Косьмы Индикоплова подвел И.А. Орецкую (Москва) к аргументированному выводу о том, что список Vat. gr. 699 не мог происходить из константинопольского императорского скриптория. Отражение константинопольских традиций в древнерусском искусстве рассмотрела И.А. Шалина (Санкт-Петербург) в иконографии древнерусской иконы “Спас Оплечный”, которую она возводит к знаменитой иконе Пантократора в Халке над бронзовыми воротами Большого императорского дворца в Константинополе. Декорации алтарной части кафоликона монастыря Осиос Лукас в Фокиде был посвящен доклад Н.В. Герасименко (Москва). Взаимосвязь монастырского богослужения и декорирования церквей в комниновский период отмечалось в докладе О.В. Овчаровой. Сосуществование в искусстве Руси отголосков как византийской, так и западной иконографии было прослежено в докладе Э.С. Смирновой (Москва). Глиняный медальон с изображением св. Фоки (собрание Государственного Эрмитажа) был истолкован О.В. Ошариной (Санкт-Петербург) как своего рода “оберег”, предохранявший людей от превратностей на жизненном пути вообще и от опасностей морского пути (для херсонитов) в частности. Сохранение древних традиций христианства на территории Абхазии после падения Константинополя проследила на примере церковных центров (Питиунт, Севастополь, Москва, Бедиа, Лыхны, Илори) в своем докладе Л.Г. Хрушкова (Москва).

Кроме того, на Санкт-Петербургской секции сессии было заслушано семь докладов, сочетавших собственно историческую проблематику с искусствоведческой и с проблематикой специальных исторических дисциплин. Анализируя мнение Георгия Трапезундского (XV в.), И.П. Медведев говорил о так называемом византийском “диссидентстве” как о возможном виновнике ослабления империи. Тематика поствизантийского Константинополя (вселенская патриархия) была представлена докладом Л.А. Герд. Значение исторических центров православия (Константинополь, Палестина и Русская Церковь) в ситуации первой мировой войны (1915 г.) было раскрыто в докладе Г.Е. Лебедевой на материале известного лишь в узких кругах конфиденциального доклада русского византиста старой школы И.И. Соколова. Тема падения Константинополя получила на секции и искусствоведческое освещение в докладе Ю.А. Пятницкого о ксилографической доске с изображением осады Константинополя (собрание Государственного Эрмитажа), созданной во второй половине XV в. – как полагает автор, под влиянием западноевропейских, а не византийских традиций. На материалах сфрагистической коллекции Государственного Эрмитажа был построен доклад В.С. Шандровской, посвященный толкованию легенды одной из свинцовых печатей. Коптские ткани со “знаком вечности” из того же собрания стали предметом анализа в докладе А.Я. Каковкина. Связи Византии со славянским миром прослеживались в докладе Е.К. Пиотровской на материале сербской версии “Земледельческого закона”.

XVI Всероссийская сессия византистов продемонстрировала соответствие проводимых в России исследований актуальной в международном византиноведении проблематике и богатство тематики отечественных византиноведческих разысканий. Византиноведение в России сохранило свои позиции в изучении социально-политической и внешнеполитической истории Византии. Продолжается плодотворное исследование контактов империи с окружающим цивилизованным миром (по всем географическим направлениям), укрепились свои, признанные международным византиноведением пози-

ции российской науки в изучении византийского искусства и его влияния на становление искусства в странах византийского круга. Современным тенденциям в международной византистике отвечает усиление внимания в российском византиноведении к историко-правовой проблематике. В соответствии с местом специальных исторических дисциплин в развитии современной науки в российском византиноведении, как это показали представленные на сессии доклады, уделяется большое внимание дипломатике, сфрагистике, нумизматике, кодикологии и другим специальным дисциплинам. При этом в научный оборот вводятся новые, неизвестные ранее материалы (в том числе и из отечественных музейных и архивных собраний).

Несомненным шагом вперед по сравнению с предшествовавшими десятилетиями явилось обращение российских византистов к историко-церковной проблематике, в которой на протяжении двадцатого столетия решительно преобладали работы западноевропейских византистов. Сессия показала, что традиционная для дореволюционного российского византиноведения историко-церковная проблематика во всем ее тематическом и хронологическом разнообразии ныне успешно разрабатывается всеми поколениями российских византистов. Тем самым более заметным стало и влияние отечественных византистов на формирование исследовательского ландшафта в международном византиноведении.

Отрадно отметить, что более трети докладчиков, выступивших на сессии, принадлежат к молодому поколению исследователей, что открывает хорошие перспективы для дальнейшего развития византиноведения в России. Следует также отметить, что молодое поколение византистов проявило на сессии профессиональное знание международной историографии и умение работать с архивными и археологическими материалами не только отечественных, но и зарубежных собраний.

А.А. Войтенко, А.М. Крюков, М.А. Курышева, И.С. Чичуров